

Я нашел свой музыкальный язык и этим горжусь

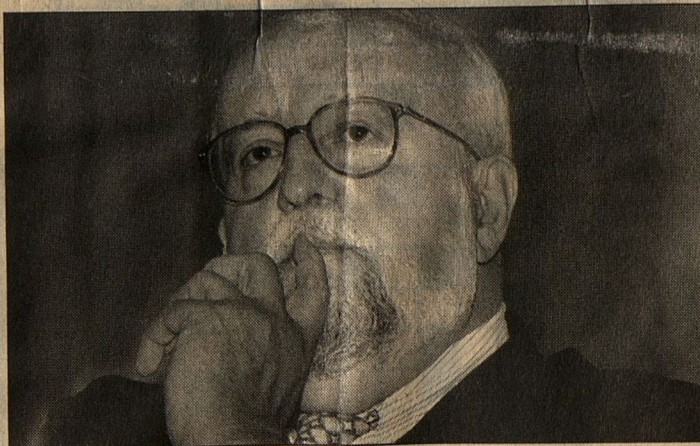
Культура. — 2003. — 27 нояб. — 3 дек. — с. 15

Кшиштоф ПЕНДЕРЕЦКИЙ при жизни стал классиком. Его творчество обширно и многогранно: он написал 4 оперы, 7 симфоний, 10 инструментальных концертов, 13 произведений для оркестра, целый ряд хоровых, вокальных и камерных сочинений. С 1972 года композитор выступает как дирижер; в 1988 – 1990 годы он был художественным руководителем Краковского филармонического оркестра. Экспрессивность и эмоциональность неоромантической музыки Пендерецкого способствовали ее популярности во всем мире. Мазетро преподавал в Краковской высшей музыкальной школе (с 1959-го; 1972 – 1987 – ректор), в Эссенской академии (1966 – 1968), в Йельском университете (1973 – 1974). Он является почетным профессором Московской консерватории, почетным доктором 12 университетов, членом-корреспондентом Баварской академии изящных искусств, почетным членом Лондонской королевской академии музыки, Американской академии искусств, Стокгольмской музыкальной академии, Дублинской королевской академии, академий Гюнхона, Буэнос-Айреса, Академии “Санта-Чечилия” в Риме. Мазетро – лауреат многих международных премий, обладатель престижных наград и орденов.

В связи с юбилеем композитора Владимир Спиваков посвятил свой последний фестиваль в Кольмаре Кшиштофу Пендерецкому. Накануне возвращения в Краков мазетро дал интервью нашему корреспонденту:

– Когда и как вы начали писать музыку?

– Моя музыка родилась в годы войны: 6-летним мальчиком я начал играть на рояле и стал сочинять пьесы. Через полтора года я потерял интерес к роялю, и в 1942 году по моей просьбе отец купил мне скрипку. Во время войны было трудно найти печатные ноты, и мой учитель писал их для меня, чтобы я мог заниматься. В

К. Пендерецкий

то время мы жили в небольшом городе восточнее Кракова. Постепенно я сам стал писать маленькие пьесы для занятий, а также полонезы и мазурки. Меня восхищали виртуозы XIX века – Паганини и Венявский, поэтому писал музыку в стиле Венявского, затем в стиле разных музыкальных периодов. Я начал играть скрипичные сюиты Баха и в этом стиле стал сочинять. Музыка, которую я играл, меня вдохновляла, и я менял стили моих композиций почти каждый месяц.

В 1951 году, окончив гимназию, я поехал в Краков, чтобы учиться дальше, но не знал, чем буду заниматься. Мой отец хотел, чтобы я стал архитектором или адвокатом, как он; меня же интересовало изучение латыни и греческого языка. Но я, конечно, брал частные уроки игры на скрипке и впервые стал изучать теорию музыки, гармонию и контрапункт. У меня были хорошие учителя. Через год я поступил в среднюю музыкальную школу, где занимался на скрипке и учился дирижированию. Два года спустя мой учитель сказал, что мне нужно обучаться композиции. В 1954 году я

поступил в Краковскую музыкальную академию на отделение композиции.

В 1958 году я окончил академию и сочинил уже много миниатюр и пьес для скрипки и фортепиано. Все это было сделано для моих занятий, включая “Псалмы Давида”. В 1959 году в Варшаве проходил конкурс молодых композиторов: главный приз – поездка на Запад. Это была моя мечта. Я написал три произведения, все они получили призы – первый и два вторых. Тогда мне наконец выдали заграничный паспорт.

– Кто из композиторов повлиял на ваше творчество?

– В ранних произведениях, например в “Полиморфии” (1961), “Страстях по Луке” (1965), я использовал новую технику, и, по-моему, все композиторы ее переняли. Но это нормально. Будучи молодым композитором, я также брал от Стравинского и Бартока, но не прямо. Их музыка оказала на меня большое влияние. Я был под влиянием Шостаковича и Прокофьева, многому научился у Онеггера и Веберна, а также Чайковского, Берлиоза и Баха. Это нормально, как студент я писал различные композиции.

– Что вы стремитесь выразить в своей музыке?

– Для меня музыка абсолютна абстрактна, как математика. Если вы стараетесь слишком много выразить, то это становится банально. В моей голове всегда есть форма произведения и его полное содержание, даже когда я пишу детали. Каждая нота имеет свое место в общем ансамбле. Конечно, если я хочу что-то выразить, то у меня есть титр. Это, например, “Плач по жертвам Хиросимы” или “Польский реквием”. Но такое обращение не оказывает влияния на музыку. Я не хочу специально его передать через партитуру. Самой музыкой хватает.

– Вы написали много духовной музыки. С чем это связано?

– Я вырос в очень религиозной семье, в ней жили разные религии. Моя бабушка была армянка, дед был немец, отец родился в польской Украине и был крещен в униатской церкви. Религия всегда обсуждалась в нашей семье, она была веротерпимой. В Польше религия играет очень важную роль, но при коммунистах сочинять религиозную музыку запрещалось. Однако я ее писал. Будучи студентом, сочинил “Псалмы Давида”. Они имели успех, но из-за запрета их исполняли только в церквях. Потом получил заказ от Мюнстерской церкви. Так как это произведение имело большой успех, разрешили его исполнять в филармонии. Окрыленный успехом 1958 года, я продолжал сочинять религиозную музыку. Последнее, что я написал в этом жанре, – “Семь врат Иерусалима” (1996) к 3000-летию города и “Кредо” (1998). Теперь у меня есть идея написать “Страсти”.

– Кого вы предпочитаете среди композиторов?

– Я очень люблю Мессиана. Это один из великих композиторов XX века. Что касается музыки прошлого, то в разные периоды у меня были разные предпочтения – от Монтевер-

ди до Баха, которым восхищаюсь всегда. Я не смог бы написать “Страсти по Луке”, если бы глубоко не изучал произведения Баха и барочную полифонию. В 80-е годы я много занимался постромантической музыкой. Брукнер, в частности, меня очень интересует.

– Если бы вам предложили от править в будущее только два ваших произведения, что бы вы выбрали?

– Навероятно трудный вопрос. Мне дорого все, что я сочинил. Но для такого послания, наверное, выбрал бы “Страсти по Луке” и “Семь врат Иерусалима”.

– Вы – композитор и еще дирижер. Что вас влечет к дирижированию?

– Познание. Дирижуя, я научился большему, чем занимаясь в какой-нибудь школе. Я нуждаюсь в дирижировании, так как больше не играю на скрипке, но мне необходим контакт с моей музыкой и чудной музыкой других авторов. Это очень важно. В прошлом почти все композиторы были дирижерами. Композитор должен не только писать музыку, но и участвовать в ее исполнении. Я не верю, что композитор может сочинить великую музыку, если он пишет ее с помощью компьютера, сам не играет на инструменте и не дирижировал. Оркестр – это живой организм, а дирижирование – захватывающая работа с 80 музыкантами, которых нужно увлечь, чтобы они могли исполнить произведение согласно твоей концепции, твоему желанию и стилю. В течение года я даю множество концертов, что может утомить, если исполнение музыки не приносит удовольствия. Дирижирование – прекрасная тренировка для композитора.

– Какие композиторы в вашем репертуаре?

– Те, которых я люблю и уважаю, которые меня питают как творца. Прежде всего это Бетховен, классики, а также романтики Мендельсон,

Дворжак, конечно, Стравинский, Прокофьев, Шостакович и Барток. Я стараюсь ограничить мой репертуар. У меня слишком мало времени на разучивание новых партитур, и я не хочу приносить в жертву мое собственное творчество.

– Каковы ваши творческие планы?

– Сейчас я пишу “Адажио” для Славы Ростроповича, которому также посвятил мой Второй виолончельный концерт (1982). Он исполнит “Адажио” с Венским филармоническим оркестром под управлением Сейдж Озава. Согласно плану на 10 лет, я должен закончить Восьмую симфонию и написать Десятую, после чего симфонии уже не буду сочинять. Мне предстоит написать “Страсти” для открытия после реставрации церкви в Дрездене, которая была разрушена во время войны. В июне 2005 года состоится премьера моей оратории на открытие концертного зала в Люксембурге. Может быть, сочиню оперу для Королевского театра в Мадриде. Хотелось бы написать оперу и для детей. У меня теперь есть внучка, и для нее я обязательно напишу оперу. Конечно, буду сочинять камерную музыку.

– В преддверии 70-летия оценивая весь творческий путь, что составляет вашу гордость?

– Я всегда шел собственным путем, не принадлежал ни к одной школе или группе. Я писал музыку вне зависимости от кого-либо, никогда не менял свой стиль из-за критики или иного повода. Я нашел свой музыкальный язык и этим горжусь. За последние 30 лет моя стилистика мало изменилась, моя музыка как один блок. Теперь я иду дальше, чтобы вновь создавать музыку.

Беседу вел
Виктор ИГНАТОВ

Париж – Кольмар

Фото Натальи ЛОГИНОВОЙ